

[ЗАПИСКИ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН]¹

[I]

По поводу второй статьи «О новых условиях сельского быта», помещенной в № IV журнала «Современник» за 1858 год, возник вопрос: сообразно ли с высочайшими рескриптами об улучшении быта помещичьих крестьян выраженное в этой статье предположение, что освобождение крепостных крестьян с землею заслуживает предпочтения пред освобождением их без земли? В ответ на то автор статьи, кандидат Санкт-Петербургского университета Чернышевский имеет честь представить вашему в — ству следующие соображения, прося в. в. довести настоящую записку до высочайшего усмотрения.

1. Мнение о необходимости освобождения помещичьих крестьян с землею не может не согласоваться с духом высочайших рескриптов по следующим основаниям:

а) Само название, которым государь император благоизволил определить характер реформы, предпринимаемой по его воле, ясно указывает на то, что освобождение помещичьих крестьян с землею составляет желание государя императора. Предпринимаемые меры не названы просто «освобождением» или увольнением помещичьих крестьян, а «улучшением их быта», следовательно воля государя императора состоит в том, чтобы освобождение помещичьих крестьян совершенно было не как-нибудь, а непременно соединено было с улучшением их быта. Освобождение же без земли привело бы быт помещичьих крестьян к состоянию не лучшему, а худшему их настоящего положения, как то доказывает пример всех тех стран, где крепостные крестьяне были освобождены без земли, — между прочим Англии и Шотландии и Ирландии, где, несмотря на чрезвычайное богатство государства, свободные земледельцы находятся несравненно в худшем положении, чем в России, потому единственно, что освобождены были без земли.

6) Государь император не может желать смут в государстве, а освобождение помещичьих крестьян без земли непременно породило бы сильные смуты, потому что русский крестьянин по своим убеждениям не может ни понять, ни принять освобождения без земли, и если б реформа приняла такой оборот (от чего да хранит нас и, без сомнения, охранит нас бог гвердою волею государя императора), — если б крестьяне увидели себя освобожденными без земли, они приписали [бы] такое бедствие злоумышлению помещиков, стесняющих благую для крестьян волю государя императора, и поголовно восстали бы против помещиков для, по своему мнению, освобождения государя от заговора злоумышленников и для приведения в исполнение его воли, которая, по их непоколебимому убеждению, состоит в освобождении их с землею.

Несомненно истекая из духа высочайших рескриптов, освобождение крестьян с землею согласно и с буквою этих рескриптов, 1 пункт §2 говорит:

«Крестьянам [оставляется их усадебная оседлость, которую они в течение определенного времени приобретают в свою собственность посредством выкупа; сверх того, предоставляется в пользование крестьян надлежащее по местным удобствам для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей пред правительством и помещиком количество земли, за которое они платят оброк или отбывают работу помещику»].

Эти слова показывают: 1) что крестьянам предоставляется усадебная оседлость, которая составляет часть земли, 2) что другая часть земли, именно полевая, луговая и всякая другая земля, нужная для обеспечения быта крестьян, предоставляется им в пользование, которого не могут лишиться они по произволу помещиков.

3 пункт того же § говорит:

«При [устройстве будущих отношений помещиков и крестьян должна быть надлежащим образом обеспечена исправная уплата государственных и земских податей и денежных сборов»].

Это обеспечение предоставляется только землею, без которой крестьянин не имел бы средств ни к жизни, ни тем более к исправной уплате государственных и земских сборов.

§ 3 говорит, что пункты предыдущего § 2 должны [быть] развиты, и практическое развитие [их] предоставляет комитетам, — из этого ясно, что меры, постановленные тремя пунктами § 2, считаются государем императором только как первый шаг к дальнейшим постановлениям, имеющим целью улучшение быта крестьян, а это улучшение по воле государя императора будет состоять в распространении выгод, ныне уже предоставленных освобождаемым крестьянам, т. е. в расширении их части земли, ныне уже предоставляемой им пунктом 1 § 2.

Дело это, т. е. распространение выкупа части земли, находящейся под усадебными оседлостями, и на другие части земли, остающиеся в неотъемлемом пользовании крестьян по тому же

пункту 1 § 2, предоставляется по § 3 совещаниям комитетов, и быстрое или более продолжительное исполнение его поставляется в зависимость от местных условий каждой губернии.

Что такова несомненная воля государя императора, очевидно из «участия», к которому, по выражению высочайших рескриптов, «призывается дворянство в столь важном деле»*. Эти слова показывают, что воля государя императора требует не только исполнения 3 пунктов, поставленных высочайшими рескриптами, но и дальнейших действий дворянства в том же благодетельном для крестьян духе; если б дворянству предоставлялось только исполнение трех пунктов, то не были бы употреблены в высочайших рескриптах выражения «участие» и «доверие», а сказано было бы только о повиновении высочайшей воле, ибо тот, кто только исполняет повеление, не есть участник, а только [исполнитель], дворянство же призвано быть участником в деле, начинаемом монаршею волею, следовательно ему по духу и букве высочайших рескриптов предназначено сделать нечто более того, что уже возлагается на него тремя пунктами § 2, и таким образом ясно показывается конечная цель реформы, именно освобождение крестьян с землею как единственный способ освобождения, улучшающий быт крестьян, единственный, согласный с русскою народностью и спокойствием государства.

Излагая эти соображения, автор статьи, подавшей повод к вопросу о способе освобождения помещичьих крестьян, сообразном с высочайшими рескриптами, исполняет долг верноподданного и просит в. в. тоже исполнить этот долг повержением настоящей записки на благоусмотрение государя императора и откровенным, полным сообщением государю императору тех подробностей дела, которые в дополнение к вышеизложенным кратким соображениям будут переданы автором записки в. в. при личном свидании. Пусть сам государь император решит, такова ли его воля, какую несомненно предполагает ее автор записки; пусть сам государь скажет, сообразно ли с видами августейшей воли действительное улучшение быта помещичьих крестьян, спокойствие государства, прочность престола, любовь народа и благословение потомства.

[II]

Воля государя императора, благо государства и чувства крестьян одинаково указывают на освобождение крестьян с землею. Единственным возражением против него представляют мнение,

* «Открывая таким образом дворянству Нижегородской губернии согласно собственному его желанию средства устроить и упрочить быт крестьян своих на указанных мною общих началах, я уверен, что оно вполне оправдает доверие, оказываемое мною сему сословию призыванием его к участию в столь важном деле, и что при помощи божией и при просвещенном содействии дворян оно будет совершено с желаемым всеми успехом».

будто бы финансовые средства русской нации недостаточны для выкупа столь огромной ценности, какую имеет часть земли, находящаяся ныне в пользовании помещичьих крестьян. Глаз людей, не привыкших к соображению финансовых операций, ужасается цифрою 1 000 или даже 1 500 миллионов рублей, как оценивается сумма выкупа, который надлежало бы заплатить в вознаграждение помещиков при освобождении крестьян с землею. Но литература именно тем и занимается, что старается приискать средства для такого выкупа, представляющегося затруднительным только по недостатку исследований об этом предмете, стало быть она действует совершенно в видах государя императора и к пользе государства.

«Она не отыщет средств для выкупа земли, и крестьян все-таки придется освободить без земли», — говорят противники воли государя императора и враги литературы. Положим, что было бы и так, — все-таки литературное исследование этого предмета принесло б пользу, а не вред: тогда все убедились бы, что правительство освобождает крестьянина без земли не потому, чтобы не хотело оказать ему благодеяния, освободив его с землею, а только потому, что это желание невыполнимо; невозможного же никто не требует, и если будет доказана невозможность выкупа земли, никто не будет роптать на правительство. Совершенно иной оборот приняло бы дело в случае невозможности освободить крестьян с землею, если б эта невозможность не была публично обнаружена неуспехом литературы в отыскании средств для того: тогда общество осталось бы при убеждении, что это невозможно не по недостатку средств, а по недостатку желания, и правительство ослабило бы себя, оставив возможность к такому мнению запрещением исследовать дело. Может быть, именно того и хотят противники воли государя императора, ненавидящие его за его заботливость о благе государства и искоренении злоупотреблений, желающие погибели его благотворным начинаниям, хотя бы с опасностью для его престола и особы; ныне есть люди, которые говорят, что если бы государь скончался, они были бы рады. Неужели можно предполагать, что такие люди могут истолковать волю государя императора вернее, чем те, которые благословляют и прославляют его за заботу об освобождении помещичьих крестьян?

Неужели можно предполагать, что те возражения, которые делаются ими против единственно возможного и полезного способа этого освобождения, то есть освобождения с землею, добросовестны и основательны? Нет, клеветают на свою родину те, которые говорят, что не найдется в ней средств для выкупа помещичьих крестьян с землею. Богата ли, бедна ли наша родина, но мы еще не обнищали до того, чтоб не найти у себя источников для такого выкупа. Их много, и не место здесь перечислять их все, — упомянем хоть об одном, оставляя в стороне все другие,

не менее обильные. Не будем говорить ни о прямой финансовой помощи от казны крестьянам в деле выкупа, ни об учреждении банков, ни о зачете долгов помещиков кредитным учреждениям взамен части вознаграждения, ни о налоге на дворянские земли, до сих [пор] не дававшие почти ничего в государственную казну по привилегии, противной государственным пользам, ни о преобразованиях финансовой и административной системы, которые увеличили бы государственные доходы и сократили бы государственные расходы.

Некоторые говорят, что для финансовых преобразований теперь не время, что подвергать дворянские земли налогу равномерно с другими землями теперь несвоевременно, что зачет вознаграждения в долг по кредитным учреждениям был бы тяжел для кредитных учреждений, что банки для выкупа крестьян с землею устроить не легко, что средства казны не позволяют ей участвовать в выкупе помещичьих крестьян. Все эти возражения неосновательны по убеждению людей знающих, но пусть все эти затруднения признаются имеющими полную основательность, — мы хотим упомянуть только об одном источнике выкупа, таком источнике, против которого ни у кого нет и быть не может ни малейшего возражения.

Ныне помещичьи крестьяне обложены податью гораздо меньше, чем государственные крестьяне, потому что платят оброк или отправляют барщину помещикам; при освобождении их с землею они сравнялись бы по своему положению с государственными крестьянами и, конечно, не только могли бы, но и должны бы нести такие же подати. Ныне помещичьи крестьяне платят в казну менее 2 рублей, государственные крестьяне более 5 рублей с души, — разница составляет около 3 р. 50 к. с души. Крепостные крестьяне почли бы для себя благодеянием, если бы им сказали, что они освобождаются с землею под одним условием: платить то, что платят государственные крестьяне, или хотя бы двумя рублями больше государственных. Правительству сбор этой добавочной подати не стоил бы ничего, потому что положить в кассу уездного казначейства и записать в приход 7 рублей с души не труднее, чем 2 рубля, а между тем эти лишние 5 р. 50 коп. с каждой ревизской души в бывших крепостных имениях дали бы в год более 55 миллионов серебром, и этим одним источником, ни на одну копейку не касающимся настоящих доходов государства, в непродолжительном времени выплачено бы все вознаграждение помещикам за крестьян с землею.

Именно, если положить выкуп с души средним числом в 120 руб. сер. (цена выше действительной, потому что в настоящее время все поместье со всею землею едва продается по цене по 120 руб. за душу, а целая половина осталась [бы] у помещиков за отрезкою крестьянских земель), — если положить, что помещикам будут выданы в ожидании уплаты облигации, приносящие

3% дохода, как билеты кредитных учреждений, что проценты эти будут уплачиваться с добавочной подати на освобожденных помещичьих крестьян, о которой говорили мы выше, и что остающаяся затем часть этого нового дохода будет обращена на постепенный выкуп облигаций, мы найдем, что все облигации будут выкуплены не более как в 38 лет, в действительности же выкупятся гораздо скорее, потому что с каждым годом численность платящих подать будет увеличиваться, конечно, от перевеса рождений над смертностью, а следовательно, и сумма подати, употребляемой на выкуп, будет возрастать.

Таким образом, если даже взять только один этот источник, не прибегая ни к каким другим, то и тогда выкуп крестьян с землею совершится легко и быстро, единственно средствами самих освобожденных крестьян; и выдачей дворянам облигаций, таких, как приносящие доход, равный доходу, даваемому вкладами в кредитные учреждения,² и таких, которые ежегодно выкупаются посредством тиража (как выкупаются облигации польского долга³), значительная часть их не может упасть в цене, следовательно и до выкупа получение их будет для помещиков совершенно равносильно получению наличных денег, за которые каждая облигация может быть всегда продана без всякого убытка, как ныне переходят из рук в руки билеты кредитных учреждений. Быть соперницами кредитных билетов и вредить им эти облигации не могли бы, потому что они были бы почти исключительно выданы на очень крупные суммы (например, помещик, имевший 1 000 душ, получил бы облигацию в 120 000 руб. сер.; этот огромный билет никак не может заменить собою в обращении кредитного билета в 100 руб. сер., он скорее подобен хорошему имению, приносящему верный доход, которое всегда может быть без убытка продано по той же цене, за которую получено взамен долга, но которое нисколько не принадлежит к массе звонкой монеты и заменяющих ее кредитных билетов и, не имея с ними никакого сходства, не может быть их заменю или соперником их в обращении).

Эти мысли о налоге на освобожденных крестьян — вовсе не проект освобождения крестьян с землею: настоящая записка составляет вовсе не с тою целью, чтобы быть подобным проектом; они даже не могут называться кратким указанием на лучший способ выкупа крестьян с землею: есть другие способы, еще более верные для помещиков и гораздо более легкие для крестьян. Нет, надобно было только доказать, что если даже из многих источников средств для выкупа крестьян с землею ограничиться одним и пользоваться им без всяких искусных финансовых операций, всегда чрезвычайно облегчающих и ускоряющих платеж, то и тогда дело выкупа крестьян с землею не представит никакого затруднения для правительства, никакого обременения для казны, никакого убытка для помещиков и легко совершится средствами

самих освобожденных крестьян в непродолжительное время. Как же можно говорить о невозможности такого выкупа, если самый простой и неполный обзор только одного из источников этого выкупа дает уже очень удобное решение вопроса? Как можно говорить о том, что литература не поможет правительству и помещикам в приискании способов для этого выкупа крестьян с землею, если самое краткое изложение соображения, приходившего на мысль почти каждому из людей, писавших или хотевших писать о выкупе крестьян с землею, уже показывает верное и легкое средство совершить этот выкуп без всякого обременения для государственной казны и без всяких преобразований в государственном бюджете?

Желают вреда государю императору и государству те люди, которые говорят против литературных исследований о выкупе крестьян, против этих исследований, единственным результатом которых может быть только обнаружение легкой возможности исполниться благой воле государя императора об освобождении крестьян с землею и охранение государственного спокойствия, подвергающегося опасностям в том случае (от которого да охранит нас бог и государь император), если б воля государя императора не в силах была преодолеть злонамеренных козней противников монаршей воли.